

Эйтан Адам
Рука к перу, перо к бумаге

Эйтан Адам

Рука к перу, перо к бумаге

«Издательские решения»

Адам Э.

Рука к перу, перо к бумаге / Э. Адам — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961553-4

Стихи и проза, статьи и эссе. История с географией, литература с философией, детективы с приключениями. Шесть лучших произведений из предыдущего сборника включены и в этот.

ISBN 978-5-44-961553-4

© Адам Э.
© Издательские решения

Содержание

Стихи и проза	6
Поцелуй свободы	6
Последний полет	7
Синай	9
Встреча	10
Черно-белые цветы	11
Надежда	11
Моя дорогая В.	11
В кафе у моря	18
Четыре заповеди	19
Золотой порог	21
Финал	22
Похороны дома	24
Волки19	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Рука к перу, перо к бумаге

Эйтан Адам

© Эйтан Адам, 2019

ISBN 978-5-4496-1553-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стихи и проза

Поцелуй свободы

Только камни да камни,
И ни бусинки влаги.
И последние капли
Досыхают во фляге.
С рюкзаком не остынуть.
Пот течет по затылку.
Я иду по пустыне
В черных пыльных ботинках.

Где-то – вниз повороты,
Где-то бегают дети,
И купается кто-то
В водопадах Эйн-Геди.
Я от солнца не жмурюсь,
Хоть палит неуклонно —
Со свободой целуюсь
Возле страшного склона.

А века – будто зримы:
Солнце жарит нещадно
Там, где в горле у Рима
Костью встала Массادا.
Солнце катится быстро
Поперек небосклона
И тихонько садится
Где-то возле Хеврона.

Иудейская пустыня, зима 5735 г.¹

¹ 1975 г.

Последний полет

Молодым идеалистам

*«Тут же хочешь не хочешь, темни не темни,
А на поезде ездить людям веселей...»
А. Галич. Песня о ночном полёте.*

Человечество залезло в норы.
В вираже заносит шар земной.
Но ревут под крыльями моторы
Кровью заведённые людской.
Треснуло крыло посередине,
Чёрный шлейф густеет за хвостом,
Облака закрыли путь наш синий,
И в огне родной аэродром.

Пристегните ремни! Пристегните ремни!
Лишь посадка «на брюхо» возможна теперь.
Но под нами всё камни, деревья, да пни.
А что хватит на всех парашютов – не верь!
Пристегните ремни! Пристегните!
До конца затяните ремни!

Сзади приближается погоня,
Впереди заслоны ПВО.
Вся земля видна, как на ладони:
Ни шоссе, ни поля – ничего.
Всем, о славе бредящим – наука:
Миф о героизме – не для вас!
Задохнуться лишь золою друга
Вам достанется в последний час!

Пристегните ремни! Пристегните ремни!
Сколько пота и крови – чужой и своей.
Мы вперёд прорывались во имя мечты,
Овладевши которой ликует злодей!
Пристегните ремни! Пристегните!
До конца затяните ремни!

Избежать паденья невозможно.
Кончилась мечта, конец и нам.
И сгорит жар-птица непреложно,
Словно никому не нужный хлам.
Грохнется об землю, как подкова,
Грудю металла без лица!..

Но взлетает птица-феникс снова
В ожиданье нового конца!

Пристегните ремни! Пристегните ремни!
Мы восстали из праха – и снова летим!
Над землею мечта зажигает огни,
Но рожденным в пещерах полёт нетерпим...
Пристегните ремни! Пристегните!
До конца затяните ремни!

Яффа, лето 5737 г.²

² 1977 г.

Синай

Под снегом Санта-Катарина
Бела, как шапка бедуина.
Под ней пустыни грозный лик.
Рыжебородого Синая
Клыки коралловы, сверкая,
Пронзают море напрямик.

Воды коралловое ложе
Покрылось зеленью. А кожа
Земли растрескалась по швам.
И Иорданская долина
Под небом синим и пустынным
Сечет планету пополам.

О, где ж еще такие виды!
В подводный сад Семирамиды
Не въехать гордо на коне!
И рай небесный отраженный,
И ад земной, песком сожженный,
Сошлись в береговой волне!

Покрылось небо облаками.
Над аравийскими песками
Поднялся огненный туман.
Грозе-спасению я внемлю.
Но дождь песком падет на землю,
Вновь сух небесный океан.

Как первобытное рубило,
Что в щели на века застыло,
Так здесь навеки лег Синай!
Лег меж двумя материками,
Меж небом и двумя морями,
Вобрав в себя и ад, и рай!

Шарм-эш-Шейх, Тевет 5739 г.³

³ Январь 1979 г.

Встреча

Л. Магазинеру⁴

Непонятно – сон или не сон.
Вечер, но ни грамма я не выпил.
А москвич над гаванью Кишон
Вспоминает молодость под «битлов».

Сколько нам отмерено недель?
Лучше бы не знал я и не ведал!
Кружка пива на Мерказ Кармель,
На закуску – сигарета «Кемал».

Словно сели на пятнадцать лет,
И встречаемся на пересылке.
Каждый день, как новый километр,
Приближает к роковой развилке.

Чем-то встретит старая Москва:
Гласность, перестройка – или «Память».
Мы же, как прожектор маяка,
Будем продолжать ему сигналить.

Будем ждать подвохов от властей
И ругать то цены, то налоги,
Позабыв тоску очередей,
Позабыв тоску о честном слове!

Хайфа засыпает под дождем.
А в Москве – то снегопад, то слякоть.
Лучше бы я думал о другом,
Ведь нас не научили в детстве плакать.

Хайфа, 5748 г.⁵

⁴ Автор музыки к этой песне.

⁵ 1988 г.

Черно-белые цветы

Надежда

Виктории

Как кровь течет из рваной пасти
Собаки, сбитой на шоссе,
Так жизнь моя течет сквозь пальцы
И исчезает на песке.
Кольцо впивается в фалангу.
Свобода – сладостная бредь.
Скаль зубы и встречай хозяйку,
Как окольцованный медведь.

Нет счастья здесь. Нет счастья свыше.
Молись, как можешь – дело швах...
Я вышел. Я из клетки вышел,
Хоть и остался в кандалах.
Душа вспорхнет дроздом на ветку,
И звуков плещется поток...
Я сам построил эту клетку!
Я сам приладил к ней замок!

А жизнь течет, за годом годы,
И зря надежду не ищи...
Как он пьянит – глоток свободы
Для арестованной души!
Не может быть – что так навечно,
Что в морг приеду в кандалах!

И удаляется надежда
На тонких легких каблуках.

Тель-Авив, 12 Элула 5760 г.⁶

Моя дорогая В.

*«Ваше величество Женщина...»
Булат Окуджава*

Толчок.

Творческий импульс.

Все выходные искал поэтический импульс – ведь вы, моя дорогая В., любите стихи.

⁶ 12.9.2000

А нашел в прозе, к тому же – в эпистолярной.

Вообще-то до сих пор все мои опыты в прозе по-русски были неудачны. А иврит вы еще только учите. А письма я – сын двадцатого, а не девятнадцатого, века – никогда не умел писать. И все же – я вам пишу.

Вы вышли из-за угла, приветственно взмахнули рукой, я улыбнулся навстречу – знакомство через Интернет, немного переписки по электронной почте, два телефонных разговора. Первая встреча. Цветы и конфеты, купленные полтора часа назад в Хадере у еле продравшего глаза торговца. Едем в кафе по вашему выбору.

И вот мы говорим, говорим, говорим. Перебиваем друг друга. Вы столь трогательны в своем наивном убеждении, что словами, логикой можно переубедить кого угодно. И тут же выговариваете мне за излишнюю математичность формулировок. Справедливо выговариваете. Тем более что замечаете это и за собой.

Я подвожу вас домой, мне ехать на работу. Как это приятно – целовать женщине руку, как это приятно – говорить женщине «вы»! Как я люблю приметы давно минувших дней!

Кто я такой? По большому счету – неудачник. За душой – хлебная профессия, но алименты и долги съедают большую часть заработка. Слишком разносторонние таланты – написал работу даже по теории музыки. Второй брак лучше первого, но не хорош сам по себе. Дети...

Из первого брака я уходил с боем, с кровью, как лиса из капкана! Мальчики, естественно, остались с матерью, которая ненавидит меня (взаимно). И она, конечно, мстит мне через них. В общем, редко я их вижу.

А теперь – еще двое. И девчушка растет такая, что никуда я от нее не уйду. Разве что прогонят. Кстати, скандал за скандалом.

И – огонь в душе! Колоссальная уверенность, что не зря родился на свет, что мой час еще впереди!

Кафе на берегу моря. Вы ищете лидера. Ну и задача!

Я не лидер. Я умею воевать, но я не завоеватель. Я хожу с пистолетом, но я не убийца. Я люблю женщин, но я не умею их покорять – я их слишком уважаю для этого.

Я провожаю вас домой. Ваша рука в моей, и мне невероятно хорошо! Я пытаюсь вас поцеловать, вы с улыбкой подставляете мне щеку. Тоже хорошо! А какая у вас улыбка!

Если мужчине плохо в семье, а уходить он не уходит, то рано или поздно он начинает искать себе любовницу.

Этим летом у меня в первый раз была любовница. В Израиле среди «русских» много одиноких женщин, нередко с детьми. Вот такая была и у меня. Без претензий. С ней было спокойно и тепло. Но она работала в разные смены, встречались мы редко – короче, я продолжал поиск. Искал – любовницу. Нашел – любовь.

Я ей позвонил:

– Оля, здравствуй.

– Здравствуй.

– Оля ты не представляешь себе, что со мной случилось.

– Что?

– Я влюбился! Но не в тебя.

– Поздравляю!

– Что?

– Я тебя действительно поздравляю! И ты вовсе не обязан был мне звонить, я бы поняла.

– Ну, в конце концов, из элементарной порядочности...

– Не важно. Будь счастлив!

Я влюблен.

Сам себе не верю. Но – факт.

А я уж думал – все, и хватит с меня обычной любовницы, без затей.

Душа – переполнена, чувства бьют ключом, каждая клеточка звенит. И не с кем поговорить!

Есть.

Когда я развожился с первой женой, у меня был роман с М. М. была старше меня, жизнь ее тоже не баловала, она была спокойна и уравновешена. Она сразу заявила, что роман наш не имеет будущего, но что нам будет хорошо. Когда я – с ее помощью – пришел в себя после развода, она сама – сама! – стала подталкивать меня к поиску. И чуть ли не с рук на руки сдала второй жене. И мы остались друзьями. И она, бывало, плакалась мне в жилетку. И она первая услышала рассказ о проблемах в моей семье и о моей неразделенной любви.

Мне просто необходимо было выговориться.

Мне кажется, вы начинаете избегать меня. Это ваше право. Но мне больно.

В остальном – я на подъеме. С работой – порядок. С творчеством – закончил повесть. Называется «Арбат 94». Дело в том, что в Хайфе наши «олим»⁷ называют Арбатом улицу Нордау, я обыгрываю это.

Я и раньше писал, и написал несколько неплохих вещей, но сейчас впервые написал ВЕЩЬ. Вещь, которую мне больно было писать, и которую больно читать. Глаголом жечь сердца людей!

Не хочу пересказывать. Она будет издана, я уверен, она обязана быть издана. И ее переведут (сам себя – не могу). И вы прочтете.

Вы подтолкнули меня написать стихи. Вернее, сама ситуация. Так или иначе, стихи по праву посвящены вам.

Вы уговариваете меня расстаться. Я посылаю вам стихи. Вы опять уговариваете. Я признаюсь вам в любви.

Наверное, в 2000-ом году люди редко признаются в любви. А уж по телефону!

Я рад. Я могу быть самим собой и не пытаться играть какую-то роль. Я могу говорить свободно.

Я приношу вам еще стихи. Поверьте, не ради саморекламы.

Как называется женщина подталкивающая художника творить?

МУЗА!

Вы пытаетесь сбить меня с толку, пытаетесь заставить меня дать определение моей любви. А я просто почти постоянно думаю о вас. Не верите?

Шесть пятнадцать утра. Ключ в зажигание, мотор заводится с пол-оборота, хорошая машина. Впереди – сто километров, полтора часа езды. И это очень приятно представить себе, милая В., что вы рядом.

Обратите внимание, моя дорогая. Мы находимся в районе Тааных. Тааных – это древняя крепость, ее развалины находятся вон на той горе на юге. В пятидесятых годах, когда эти места активно заселялись, по имени крепости назвали весь район, в то время пограничный.

⁷ Репатрианты.

А вон на востоке – лесистая гора Гильбоа. Там погиб царь Шауль (Саул) со своими тремя сыновьями.

На северо-востоке – словно перевернутый котелок. Это гора Тавор (Фавор). Христиане утверждают, что именно здесь Иисус читал Нагорную проповедь. А точно на севере – гряда холмов, на них дома. Пригороды Нацрата (Назарета). Того самого, библейского. Сам город не виден, он в долине за холмами.

Но хватит наслаждаться красотами, впереди длинный путь. Мы выворачиваем на *Квиш г'а-Саргель*. *Квиш г'а-Саргель* – Шоссе-Линейка – названо так за свою прямоту. Десять километров АБСОЛЮТНО прямого шоссе, из Афулы в Мегиддо.

Кстати, а название Мегиддо вам ничего не говорит? А *г'ар Мегиддо*, т. е. гора Мегиддо? Вон она, эта гора, справа, вон та, со срезанной верхушкой. Не слышали? А про Армагеддон слышали? Да? Так вот, Армагеддон – это искаженное на греческий лад *г'ар Мегиддо*. Смело можете писать друзьям, что видели Армагеддон.

Извините, но я на хорошем шоссе выжимаю сто двадцать километров в час, если, конечно, движение слабое. А оно, пока что, слабое.

Вперед! Переезжаем через невысокую гряду холмов и въезжаем... в Гвадалахару. Не верите? Сейчас объясню.

Если вы заглянете в атлас, то обнаружите две Гвадалахары – одну в Испании, другую в Мексике, но никак не здесь. Но если вы поинтересуетесь этимологией этого слова, то узнаете, что это искаженное арабское название Вади эль-Ара. Именно в ущелье с таким названием мы сейчас и въезжаем.

Да, место неприятное. Сплошной ислам, минарет на минарете, по левую руку – центр исламского движения город Умм-эль-Фахм. Тот самый случай, когда мой старый «парабеллум» приятно греет бок. Давайте лучше отвлечемся и послушаем музыку.

Вам не нравится Розенбаум? Помилуйте, почему-то большинство женщин из России не любят Розенбаума. А, например, вот это:

.....
*Но зажгли бортовые огни,
Лучшей доли себе не желая,
Наши дочери,
Страны нашей дочери,*

.....

.....
Ничего, что бомбежка – не женское дело,

.....

Девчата, вернитесь в срок.

Ведь это про вашу бабушку!

Вообще-то я к Розенбауму не могу быть объективным. Рассказать почему?

Итак, восемьдесят второй год, мы входим в Ливан. Сейчас принято ругать ту войну. А я прекрасно помню, что граница горела, что в течение полутора лет перед войной всем было ясно, что война будет, вопрос только когда.

Кстати, гражданское население в Ливане восприняло наше появление как само собой разумеющееся.

Короче, наша рота участвовала в боях за город Цидон (Сидон), в особенности в штурме пригорода Эйн-эль-Хильве. А меня и еще двоих назначили конвоировать грузовики.

В Израиле не тратят время на обучение должности часового, патрульного, конвойного. Бойца учат бою. Боец в охране – просто ждет, вдруг потребуется применить стандартные боевые навыки. В мирное время – скучища смертная. В боевой обстановке...

Днем мы не ездили из-за снайперов. Только в темноте. Приказ стрелять на поражение по всему, что движется вне колонны. Полная трехтонка: патроны, пулеметные ленты, гранаты – ручные, подствольные, настольные, реактивные, – мины, противотанковые ракеты. Вся эта куча накрыта брезентом, наверху сижу я – без бронежилета, на наш взвод не хватило. Впрочем, ручные гранаты хорошо детонируют, так что если что так мы с шофером попадем в рай кратчайшим путем.

А пули свистят (кстати, на самом деле они, скорее, жужжат). И не только пули. В темноте не видно где стреляют, отчего нервы на невиданном пределе. Ни птиц, ни кошек, ни собак – жить хотят. Мертвый город. А где-то вокруг – бой. А мой автомат ищет цель и не находит. Меня учили бою. Бой идет вокруг, но я в нем не участвую. Пуля в стволе напрасно ждет полета.

И так несколько ночей подряд мы доставляли боеприпасы на передовую. И это было страшнее, чем попасть под артобстрел (попадали не раз).

А через год, на очередных сборах, нас вдруг построили, и командир выдал каждому наградную колодку за войну.

И вот я стою в стороне и смотрю на эту колодку. Ко мне подошел командир:

– Ты чего?

– А мне-то за что? Что я делал – конвоировал грузовики.

Он так посмотрел на меня:

– Ты там был?

– Был.

– Ты сделал все, что тебе приказали?

– Сделал все.

– Тебе было страшно?

– Было.

– Но ты не струсил?

А у нас одного на второй день войны эвакуировали – в шоке.

– Не струсил.

– Ты заслужил, как все.

А еще через несколько лет я впервые услышал Розенбаума – «Корабль конвоя»:

.....

Почему «Стоп, машина», и я в дрейфе лежу?

Почему я не волен? Почему я в конвое?

Почему сам себе я не принадлежу?

.....

В море я за врагом не погнался ни разу,

И в жестоком бою не стоял до конца!

.....

И сказал командир: Ты – корабль конвоя.

Мы дошли – значит этим ты все доказал.

А пока я вспоминал Ливан (красивейшая страна, между прочим), мы уже выехали из Гвадалахары.

По правую руку – Пардес-Хана, потом по левую руку – Хадера. А прямо по курсу – Хадерская электростанция, из крупнейших в стране.

Эх, были времена! В свое время я долго работал в «Хеврат Хашмаль»⁸ в Хайфе. В феврале 90-ого года на первую очередь Хадерской электростанции поставили полностью компьютеризованную систему по управлению эксплуатацией. Поставщик клялся, что ничего налаживать не надо, все уже налажено. Естественно, двух месяцев не прошло, как раздались вопли на всю «Хеврат Хашмаль». Меня бросили на прорыв. В помощь дали только что поступившую к нам программистку.

В общем, все я переустановил по-новому, продублировал диски, помощницу загонял как лошадь (позднее она оказалась прожженной карьеристкой). Сделал – конфетку. Потом я же ставил в Ашкелоне, и в Хадере на второй очереди, и по моим же образцам позднее ставили везде, кроме Ашдода – там уже пошло новое поколение. Как это было здорово – делать нужное дело, делать его хорошо, учить других – и все сам, без сволочного начальства в Хайфе!

Выезжаем на прибрежное шоссе. Приходится сбросить скорость – движение плотнеет. Давайте сменим кассету. Ставлю Офру Хаза.

Вы не слышали этого имени? Жаль.

Еще в конце семидесятых годов на каком-то телевизионном праздничном концерте я обратил внимание на неприметную йеменку с полным чистым голосом. А через несколько лет Офра Хаза заняла достойное место среди звезд первой величины израильской эстрады. Позднее она покорила и Европу.

Ее третируют коллеги по цеху, ее годами не допускали на телевидение, но ее великолепный голос прорывался по радио, на нее было больше всех заявок радиослушателей. А на концертах мгновенно забывалось, что этот сильный голос и эти огромные черные глаза принадлежат маленькой, почти миниатюрной, женщине.

А в марте сего года она умерла. Моя ровесница. От СПИДа.

В ближайшую субботу я попросил раввина помянуть ее. Он засомневался:

– Ведь ты же слышал, от чего она умерла.

– Слышал. Но меня это не касается. Сейчас она перед судом Господа. И Он решит то, что решит. Но сказано, что прежде Он выслушивает обвинителей и защитников. Я двадцать лет наслаждался ее пением! Я – защитник.

Ко мне присоединились еще несколько человек.

– Ты прав, – сказал раввин. И мы помолились за упокой души замечательной певицы Офры Хаза.

Будь проклят тот, кто ее убил!

А движение все плотнеет, и я вынужден уделять максимум внимания дороге. Так что давайте, теперь ваша очередь рассказывать.

Про ваш родной Ростов, про Дон. Я ведь их видел только из окна вагона.

Про несчастную Сербию.

Про себя, наконец. Про того, кто так больно и так жестоко вас ударил! С чьей тенью я борюсь?

Ну вот и все. Въезжаем во двор, еще один проезд, стоянка, место оплачено.

Запер машину, через переулок, первый этаж, дверной код, к своему столу, «Шалом, Бенджи» – соседу (отличный парень), карточку из ящика стола, отбить время – начинается новый рабочий день.

⁸ «Электрическая компания» (иврит)

Сент-Экзюпери писал, что нет большей роскоши, чем роскошь человеческого общения. Так что вот вы мне подарили полтора часа роскоши. Жаль, что заочно. Но все равно – спасибо.

Я живу в поселке. Одно из преимуществ состоит в том, что из гостиной выход прямо на природу. Одна ступенька, и можно усесться под сенью звезд, больших и ясных, каких не увидишь в прибрежной дымке. Спокойно расслабиться, помечтать, подумать о вечном.

Милая, милая В! Вы можете запретить мне говорить, вы можете меня прогнать, но вы не можете запретить мне мечтать. А писать – вы меня просто подстегиваете.

И вот я гляжу на звезды. И мечтаю. Что вы меня поцелуете. Сами. В губы. Легко и нежно. Глупо с моей стороны? Дерзко? Но в этом мире так не хватает нежности.

Для вас, конечно, не секрет желание мужчин обладать женщинами. При этом в мужском сознании дети в лучшем случае отходят на второй план, в худшем – считаются опасностью.

А я – простите великодушно за дерзость! – хочу именно оплодотворить вас. Сделать вам ребенка. Девочку. И назвать ее – Эдна. Нежность на иврите.

Суббота. *Мусаф* – утренняя дополнительная молитва. Кантор – я.

Спасибо Бадулину из Ленинградского Дворца пионеров – поставил мне голос. Спасибо маме, многократно водившей в Кировский в оперу и заставлявшей учиться музыке.

Резкий глубокий вдох. Диафрагма – вниз. Связки натянуты. Мышцы живота – в работу. И «Шма, Израэль» с русским акцентом заполняет синагогу.

Господи!

Я грешен, но я не вижу пути.

Господи!

Ведь Ты же знаешь, что у меня семья не семья.

Господи!

Ты знаешь, как я одинок. Как я всю жизнь был одинок.

Господи!

Да, мне никогда не постичь великой драмы Твоего одиночества. Но Ты понимаешь мое.

Господи!

Ты нас сделал гремучей смесью плоти и духа! Ты нас сделал парными! Где моя половина?

Господи!

Или Ты уже показал мне ее? В прошлом? А я не узнал?

Господи!

Ты видишь, как я люблю эту женщину! Не может быть, что напрасно!

Господи!

А если напрасно – излечи меня. Верни мне спокойствие.

Господи!

Благослови нас всех – детей моих, возлюбленную, жену. Выведи на дорогу.

Господи!

Сокрыт Твой лик, и смертному не увидеть его.

Господи!

* * *

Итак, вроде написал еще одну вещь. Небольшую. Надеюсь, художественную, хотя и очень личную.

Так что вы, моя любимая, влияете на меня очень плодотворно. Спасибо вам, моя Муза!

А поэтический импульс все время подсовывал мне Окуджаву – он так хорошо писал:

*Когда метель кричит, как зверь,
Протяжно и сердито,
Не запирайте вашу дверь,
Пусть будет дверь открыта.*

*И если ляжет дальний путь,
Нелегкий путь, представьте,
Дверь не забудьте распахнуть,
Открытой дверь оставьте.*

*И, уходя в ночной тиши,
Без лишних слов решайте:
Огонь сосны с огнем души
В печи перемешайте.*

*Пусть будет теплою стена
И мягкой скамейка.
Дверям закрытым – грош цена,
Замку цена – копейка.*

Не запирайте вашу дверь, моя дорогая В. Пусть будет дверь открыта.

Да, в таком виде нечего и думать о публикации. Хотя – кто знает?

Человек предполагает, а Бог располагает. И если мы (не дай Бог!) расстанемся, и если у меня перегорит (перегореть-то перегорит, но какой частью души придется пожертвовать), то через несколько лет Эйтан Адам вернется к этому тексту, заменит инициалы и имена, замаскирует события и – кто знает – быть может, получит хороший рассказ.

И вообще – быть может, он стоит на пороге успеха. Большого успеха. И будут у него поклонники и поклонницы. Много поклонниц, всех калибров и мастей. Пальцем помани – и в гарем.

Еще месяц назад это казалось заманчивой перспективой. А сейчас? Да, они смогут ублажить плоть. Но дух останется одиноким. Страшно одиноким! Как почти что всю жизнь. Не привыкать.

Так что остаюсь возмутителем вашего спокойствия. И оставляю вам этот текст. Настоящий текст! Без самоцензуры, худшей из цензур!

Целую ручки.

Ваш Эйтан

Тель-Авив, 26 Элула 5760 г.⁹

В кафе у моря

Виктории

Как пес, оставленный в квартире,
Сидит и караулит дверь,

⁹ 26.9.2000

Сидит поэт в пустынном мире,
В котором тесно от потерь.

Вокруг народ, и говор вьется,
Как в тыще мест, как тыщу лет.
А рядом шутит и смеется
Любимой женщины портрет.

Палящий день шального лета
Сменился бризом от зимы.
Вершат официанты слепо
Нерасторопные круги.

Она портретом оградилась,
А душу спрятала в тайник.
Песок от ветра смерчем взвился,
А он к глазам ее преник,
А он беззвучно к ней зовет...

Волна придет и скатит прочь.
В закате зодиак пылает.
Луна растет из ночи в ночь.

Реховот, 7 Нисана 5761 г.¹⁰

Четыре заповеди

Идущим по дну бездны

«Не верь, не бойся, не надейся.
Не верь, не бойся, не проси.»
И на луну не голоси.
Коль надо – выпей, закуси,
Запей – но только не напейся.

Не верь плодам, не верь колосьям —
Они нитратами полны.
Не верь вождям, не верь посольствам —
Они всегда, везде лгуны.

Не верь восходу и закату
И счастью падающих звезд.
Не верь петле, кинжалу, яду —
Тебя спасут себе в усладу,
Чтоб снова занял ты свой пост.

¹⁰ 31.3.2001

Не верь семье, жене, соседу.
Не верь словам, рукам, губам.
Не верь оплавленному сердцу
И собственным слепым глазам.

Не бойся пули и снаряда.
Не бойся мира и войны.
Не бойся рая или ада:
Они давным-давно – увы —
Тебе подобными полны.

Не бойся смерти в одночасье:
Конец и злобе, и любви.
Зло счастливо, любовь несчастна,
А в смерти мирятся враги.

Ты не надейся на общенье
С людьми любезными тебе.
Ты не надейся на прощенье —
Оно подвластно лишь судьбе.

Забудь про красоту и нежность —
Они растоптаны в пыли.
И не надейся на Надежду,
Коль Вера и Любовь ушли.

Ты не ищи любви смятенья:
Любовь и лжет, и предает.
И не проси о вдохновенье —
Оно в страдании придет.

Ты не проси годов преклонных
Не зная, что готовит рок:
Быть может, жизнь – сплошная зона,
В которой ты мотаешь срок.

Прошло двадцатое столетье
И научило нас блюсти:
НЕ ВЕРЬ!
НЕ БОЙСЯ!
НЕ НАДЕЙСЯ!
И НЕ ПРОСИ!

Реховот, 23 Ияра 5761 г.¹¹ – Прага, ночь на 27 Ияра 5761 г.¹²

¹¹ 16.5.2001

¹² 20.5.2001

Золотой порог

Камиле

Пришла пора забыть о прахе
Надежд, обид – забыть про все
И красночерепичной Праге¹³
Воздать за золото ее.

Как женщина на одеяле
Она в садах своих лежит
И пенным золотом в бокале
Меня одаривать спешит.

Она лениво мне щебечет,
Она забыла счет веков,
И золотые искры мечет
Из-под трамвайных проводов.

Ее карнизы и колонны
Сверкают на моем пути,
Как золотые медальоны
Блестят у женщин на груди.

Дворцы на Граде и Градчанах —
Как будто сказка ожила.
И пляшет золото на гранях
У ваз богемского стекла.

Очарование наплыло.
И нас, попавших в чудный сад,
Ведет по золоту Камила¹⁴ —
Как мама тридцать лет назад¹⁵.

Забыв об усталости и лени,
Услышав Света голоса,
Иду я по двумстам ступеням
На колокольню в небеса.

И в небесах над Малой Страной
Стою, оглохший и немой.
И я охвачен дрожью странной
Перед твоею красотой.

¹³ Praha (чеш.) – порог.

¹⁴ Экскурсовод в Праге.

¹⁵ Моя мать была экскурсоводом в Ленинграде.

Оставив боли и тревоги,
Не зная, как тебя воспеть,
Стою на золотом пороге
Не тщась грядущее прозреть.

Реховот, 2—3 Сивана 5761 г.¹⁶

Финал

Виктории

Когда мои мышцы закончат круг
Долгих тяжелых дней,
И книга вывалится из рук,
И я упаду за ней,
Отдав меня попеченью врачей,
Прочтите строка за строкой
Слова, написанные моей
Когда-то сильной рукой.

Когда мой мозг, совсем посерев
От серости бытия,
Даст лихорадочный перегрев
И память спалит догла.
Из дальней коробки достаньте их, —
Я это за честь сочту, —
Слова, что нашли в нейронах моих
Форму свою и судьбу.

Когда мое сердце, устав нести
Десятикратный груз,
Просто захочет тихо уйти
От всех моих уз и муз,
Тогда сквозь очки, сигаретный дым, —
Пожалуйста, без слезы, —
Прочтите слова, что напеты моим
Сердцем полным любви.

В них стилия нет, и неярок слог,
Да и на талант дефицит,
Но верю я, что и мой листок,
Как рукопись, не сгорит.
И пусть коллеги меня затрут —
Я не боюсь огня.
И Ваши дети еще прочтут,

¹⁶ 23—24.5.2001

Какой их мама была.

Реховот, 8 Нисана 5762 г.¹⁷

¹⁷ 21.3.2002

Похороны дома

Тори умирала. Эд это знал. Тори это тоже знала.

Тори не любила Эда. Эд это тоже знал.

– Метель. Славно.

– Что ж славного, из дому не выйти.

– Пока метель – зима. А до конца весны...

Эд промолчал. Он не любил, когда говорили о неизбежном конце.

– Знаешь, – продолжила Тори, – я буду скучать по тебе.

– Ты о чем?

– Там мы не будем вместе. Мне будет тебя не хватать. Очень.

Эд промолчал. Он это тоже знал: после *перехода* остаются вместе только любящие пары.

Все было так, как надо. И сам *переход*, и все сопутствующие церемонии. Односельчане искренне сочувствовали Эду, но прекрасно понимали, что их сочувствие ничего не меняет. Ибо бывший весельчак и трепач Эд замолчал.

И когда, в положенный срок, он вернулся на свой двор, то продолжал молчать.

Соседи, вроде случайно, остались стоять у изгороди. А Эд, словно не замечая их, потрепал бросившихся к нему с веселым лаем овчарок, походил по огороду, зашел в хлев, – соседи позаботились, овцы были сыты и ухожены, – затем прошел в сад: Эд славился своими яблоками и орехами на всю округу, зато поля не держал.

Было ясно, что в саду Эд мог зависнуть до вечера: почки набухали, весна была в разгаре. Но всем не терпелось узнать – что дальше? Войдет в дом или пойдет спать на сеновал?

В одном доме двум хозяйкам не бывать – как и двум хозяевам. Тот, кто оставляет дом нетронутым, объявляет себя вдовцом. Навсегда.

Эд вернулся из сада и спокойно вошел в дом. Как обычно. Соседи повздыхали и разошлись.

Ну что ж, этого должно было ожидать. Недаром девушки спрашивали у парней: «Ты будешь меня любить, как Эд Тори?». И не всякий парень готов был ответить утвердительно.

А жаль. Эд был из хорошей семьи, и сам был крепок и широк в плечах. Разумный хозяин. Да и в схватках с кочевниками показал себя хорошо: умело защищал позиции, под шквальным огнем бил из винтовки как на стрельбище. Правда, преследовать не любил.

Весна была в разгаре, у всех были свои заботы. Эд тоже, казалось, с головой ушел в хозяйство, в свою очередь ходил общественным пастухом, все было как обычно.

Но как-то утром Эд прошел через все село на стрельбище. С винтовкой за плечами.

– Эд-то, Эд?

– Чего это с ним?

– Никак, опять на Пограничье собрался.

– Пару лет уже как винтовку в руки не брал.

– Вот и пошел на стрельбище.

– Да он же коня еще прошлой зимой продал.

– Ничего, на Пограничье дадут. Такому стрелку!

– Да туда ехать – два конных перехода. Пеших, считай, четыре.

– Эд в три уложится.

А на стрельбище было странно.

Эд постреливал. Это никак не был прежний Эд, с руки или с колена выщелкивающий кочевников одного за другим из седел. Это был какой-то очень усталый Эд.

Даже не взяв винтовку на локоть, приспособив какой-то пригорок, Эд лениво постреливал по мишеням. Казалось, результаты его не интересовали – впрочем, грех было жаловаться. Но стрелять, так стрелять, а не перекуривать! А Эд, казалось, был занят трубкой куда больше, чем винтовкой.

Наконец, вволю навалявшись на пропитанной порохом траве, выкурив две полноценные трубки и за все время сделав не более сорока выстрелов, – это Эд-то, способный за час расстрелять три полных подсумка! – Эд уселся на пригорок, вытащил шомпол, достал ветошь и отвертку и начал чистить винтовку. Но и покончив с этим достаточно грязным занятием, он не встал, а набил и раскурил еще одну трубку.

Винтовка лежала у него на коленях, он поглаживал приклад, затвор. Казалось, он баюкает ее как ребенка.

На обратном пути Эд свернул к дому Дуда-Строителя.

Дуд-Строитель получил свое прозвище на Пограничье. Нередко отбитые кочевники обнаруживали у себя в тылу невесть откуда взявшиеся засеки на самых удобных путях отступления. И хорошо, если пустые, а то и с кем-нибудь вроде Эда. Да и сам Дуд стрелял неплохо.

– Привет, – окликнул Дуд. – Зайдешь?

– Да, руки бы вот помыть.

– Элла, принеси помыться гостю!

Элла, старшая дочь Дуда, не заставила себя ждать. Потом, ничего не спрашивая, выставила на стол кувшин домашнего пива, хлеб, соленья, и сказала:

– Мы с мамой готовим обед. Вы останетесь обедать, дядя Эд?

– Спасибо, не откажусь.

Обедать с Дудом было всегда весело и сытно. Казалось, и Эд начал улыбаться, вспоминая Пограничье.

Воздав должное обеду и пиву, мужчины уселись с трубками на крыльце. Дуд начал было насмешничать над соседями, но Эд его прервал:

– Дуд, купи мою винтовку.

Дуд чуть не поперхнулся дымом:

– Ты что, сдурел?

Все знали, что винтовку Эд унаследовал от отца, погибшего, когда Эду было всего пять лет. Семнадцатилетний Дуд лично привез ее и отдал Эду.

– Тебе что, деньги нужны? Винтовка-то старомодная, хотя и хорошая. А денег я тебе и так могу одолжить. Отдашь, когда сможешь.

– Деньги есть, не в этом дело. И так она два года в чулане лежала. Не нужна она мне больше. – Помолчал и добавил: – Тори не любила ее.

– Кого?

– Винтовку.

– Знаешь что, – сказал Дуд после небольшого раздумья, – я, пожалуй, куплю ее у тебя. Не для себя, у меня своя есть, и у сыновей есть, новые. А вот найдет себе Элла хорошего парня, ему подарю.

– Лады. И зайди как-нибудь, у меня еще два подсумка с патронами осталось.

На следующий день под вечер Элла остановилась у калитки Эда. Эд растапливал под навесом плиту.

- Дядя Эд?
- А, здравствуй, Элла, заходи, я как раз чай собрался делать. Будешь?
- Буду, спасибо.

Элла вошла во двор, отмахнулась от весело прыгающих овчарок и прошла под навес.

- Папа извиняется, что не зашел, он сарай чинит...
- Ничего, патроны я тебе отдам. Если донесешь, они тяжелые.
- Донесу. И еще, папа вам табаку прислал. Своего.

За табаком Дуда-Строителя торговцы приезжали из самых дальних краев.

- Спасибо передай своему папе. Я сейчас мигом.

Эд зашел в дом и через некоторое время вышел, неся в левой руке под сумки с патронами, а правой прижимая к груди банки с вареньем. Элла держала в руках чашки, не зная куда поставить.

– Ставь прямо на верстак, по-простому. Вот патроны, а вот варенье: клубничное, малиновое...

- Ой, как здорово! Я очень люблю варенье.

– Ну, и славно. Давай чай пить.

- Дядя Эд, а чего вы плитку из дому вытащили?

– Да просто порядок навожу. Вещи перебираю, дом осматриваю. И сам сейчас сплю на сеновале, теплынь-то какая.

- Очень вкусное варенье. Вы сами варили?

– Сам. Осенью для Тори полный погреб наварил.

Девушка быстро вскинула глаза. Но лицо Эда было совершенно спокойным.

- Вы, наверное, очень любили ее.

– Очень. И сейчас люблю.

- Мало кто умеет любить так, как надо.

– И я не умею.

- Что?! – Элла вытаращила глаза.

– Тори меня не любила. Уважала, но не любила. И детей у нас не было, почему-то. И... ушла, очень рано ушла. Значит, я недостаточно любил ее.

Элла сидела с открытым ртом.

- Ты лучше на своих папу с мамой посмотри.

– Мои папа с мамой? Да они, бывает, целыми днями молчат. Папа только с гостями разговорчив.

- А зачем разговаривать тем, кто понимает друг друга без слов?

– А жаль, дядя Эд.

- Чего жаль?

– Что вы больше никогда не женитесь?

- С чего ты взяла? Женюсь.

Это было сказано совершенно буднично.

- Понимаешь, человек не создан для одиночества.

– А... а дом?

Эд вздохнул:

- Рука не поднимается. Я сам его строил. И Тори он, в общем, нравился...

Лето стояло жаркое. Как-то утром на всю округу загремел молоток. Эд сидел на крыше и вышибал клинья.

- Решился-таки.

– Хоронит дом.

- И какую же вдовушку он осчастливит?
- Пока – никакую, уж я бы знала.
- Может, не из нашего села?
- И не из нашего я всех знаю. Да он от хозяйства ни на шаг, когда ему.
- Да вон, старшая Дуда-Строителя у него чуть ли не каждый вечер чай распивает.
- Мала еще, не твякай. Да он ей как отец родной всегда был...

Вещи лежали под навесом и в сарае, бревна, доски, тес лежали в аккуратных штабелях, слегка присыпанные, по обычаю, песком. Теперь дом считался похороненным. Через некоторое время можно будет счистить песок и из тех же бревен построить новый дом.

Обычно просто восстанавливали прежний. Но Эд явно что-то задумал. Вечерами он мерял шагами двор, что-то размечал, прикидывал. Одолжил лошадей, привез еще бревен, досок, стекло.

И, наконец, позвал соседей на помощь.

- Заноси.
- Куда прешь, дурной?
- А ну, поберегись.
- Что-то у нас, ребята, странное выходит.
- Эд велел так класть.
- Где ты такие окна видывал?
- Хозяин барин.
- А стены-то? Эд, ты никак второй этаж собрался делать?
- Нет. Но чердак будет большой.

К вечеру закончили. Дом получился, как хотел Эд: высокий, светлый, с большими окнами, с высокой остроконечной крышей.

- Дядя Эд, а, дядя Эд?
- Да.
- А на ком вы женитесь?
- Не знаю.
- Но тогда... зачем было торопиться, строить дом, да еще такой?
- Чтоб был готов.

Эд, по своему обыкновению, промолчал, а потом добавил:

- Когда Тори войдет в эту калитку, этот дом понравится ей гораздо больше прежнего.
- Какая Тори? Ваша Тори?
- Какая-нибудь Тори. Прежняя или другая. Тори или... не Тори. Неважно. Моя. Единственная.

Тель-Авив, 29 Адара алеф 5763 г.¹⁸

¹⁸ 3.3.2003

Волки¹⁹

Моей дочери Наоми

Ното homini lupus est²⁰.

Римская пословица

Выстрел.

Серая тень шлепнулась на лед.

– Зря, дочка, – сказал отец.

– Почему зря?

– Они нас охраняют.

– В каком смысле?

– В прямом. Пока они крутятся вокруг нас к нам не подобрется другие... волки.

Девочка почесала подбородок типично мужским движением унаследованным от отца.

– Ты бы их еще подкармливал.

– А я и подкармливаю. Всякий раз, когда идем на рыбалку, я потрошу рыбу на месте и вываливаю им потроха и головы. Они это уже знают и терпеливо ждут.

– Приручаешь?

– Нет. Именно подкармливаю. Чтобы знали: здесь можно перекусить, но не насытиться. Тогда они останутся охотиться в наших краях, а другие не сунутся. Заметь, я каждое утро выгоняю мужчин на рыбалку, хотя особой надобности нет. День – на западной стороне, день – на восточной. Здесь две разные стаи, наш остров разделяет их.

– Так они что, на вас не нападают?

– Когда рыбачим – нет.

Тем временем, увидев, что стрельбы больше нет, другие волки уселись пировать трупом поверженного товарища.

– Терпеть их не могу.

– Не смотри.

– Папа, а давай, пойдем на охоту.

– Нет.

Это было сказано совершенно категорическим тоном.

– Ну, пап, у меня скоро день рождения!

– Через восемь дней. Но и тогда не разрешу.

– Пап, я видела на правом берегу оленей.

– Я тоже видел. Далеко.

– Не больше трех километров. За ними погнались волки, но не догнали.

– Ну вот, хочешь сражаться из-за добычи с волками? Всех не перестреляешь.

Когда три года назад Дэн Юстис неожиданно объявил, что продает свой бизнес и покупает ферму, удивлению не было границ.

– Ты не фермер, – категорически заявила его жена. – Ты лейтенант морской пехоты, капитан дальнего плавания, магистр геологии, преуспевающий бизнесмен – но не фермер. Я тебе, как психиатр, заявляю.

– А что, фермеры, по-твоему, все психи?

¹⁹ Навеяно рассказом С. Лукьяненко «Поезд в Теплый Край».

²⁰ Человек человеку – волк (*лат.*)

– Наоборот. Полуживотные. У них вообще, по-моему, психики нет.

Но настоящий скандал разразился, когда поехали смотреть купленный Дэном участок.

Это был лесистый остров на большой реке около двух километров в длину и метров шестьсот в ширину. С обеих сторон он омывался широкими рукавами. В северной части бил горячий гейзер – редкость в этих местах. Но главное – он находился посреди заповедника.

Они объехали остров на катере, потом высадились на берег и устроили пикник. Жена молчала, дядя Тедди чему-то улыбался. Дети же – одиннадцатилетняя Нелли, восьмилетний Рем и пятилетний Окк – веселились от души.

Неожиданно жена вскочила:

– Что это там за собаки? На том берегу?

– На том берегу? – Дэн посмотрел в бинокль. – Это не собаки, это волчица с волчатами. Этот лес так и называется – Волчий.

– Ну, с меня хватит, – заявила жена. – Да, тебя никто не признает сумасшедшим. С точки зрения современной психиатрии ты здоров как бык, уж я-то знаю. Но этому есть только одно объяснение.

– Какое же?

– Что как наука современная психиатрия еще в пеленках! – жена перешла на крик. – Где это видано? Ну ладно, я понимаю, неожиданно надоело дело, которому отдал треть жизни, и продается хорошо налаженный доходный бизнес. Я еще могу понять, что тебе захотелось резко сменить обстановку и заняться физическим трудом на свежем воздухе в непосредственном контакте с комарами и навозом. Но в качестве фермы купить кусок леса, который еще корчевать надо, у черта на куличках, посреди заповедника... Кстати, как тебе разрешили? На сколько ты их подмазал?

– Ты же знаешь, я никогда не обсуждал с тобой детали бизнеса.

– Но теперь тебе кое-что придется со мной обсудить.

– Что же именно?

– Тедди, – крикнула жена, – мы тут немного отойдем, последуи за детьми, пожалуйста.

Они прошли по берегу, нашли поваленное дерево и уселись.

– Я хочу развод, – заявила жена. – Я хочу развод и половину имущества. Я не хочу, чтобы моих детей воспитывал сумасшедший.

Дэн сорвал травинку, закусил зубами и ничего не сказал.

– Я пойду тебе навстречу. Мне не нужна половина этой, с позволения сказать, «фермы». Я согласна на сорок процентов имущества в денежном эквиваленте. И я отказываюсь от алиментов.

– Дети останутся со мной.

– Что?!!

– Не ори. Ты знаешь меня и моих адвокатов.

– И ты... и ты натравишь этих бешеных собак на меня?

– При таком раскладе? Разумеется.

– Сволочь!

– Спасибо на добром слове. Короче: я продал бизнес немного в убыток, но сумма приличная. Я перечислю тебе одну шестую суммы.

– Почему только одну шестую?

– Потому что в моей семье шесть членов.

– Кого это еще ты имеешь в виду?

– Моего брата Тедди.

– Ну уж он-то точно псих. Как и ты.

– Пока что психуешь только ты. Ну ладно, проехали. На днях ты получишь деньги и можешь уезжать куда хочешь.

– А что ты скажешь детям?

– Ты им все объяснишь.

– Я?!!

– Ты. Ты им скажешь, что... что возвращаешься на юг в свой родной университет, чтобы продолжать научные изыскания прерванные нашей женитьбой. Что тебя срочно приглашают на очень важные исследования общенационального значения.

– Самое интересное, что это хорошая идея – снова вернуться в университет.

– А что касается самой процедуры... Я бы не советовал тебе торопиться. Выпусти пар и приведи себя в порядок.

– Но ноги моей на этом острове больше не будет.

– Зато детям я здесь устрою рай земной. Это я тебе обещаю.

Они помолчали.

– Я не верю, – продолжила жена. – Я просто не верю.

– Чему?

– За кем я была замужем почти пятнадцать лет?

События завертились быстро, Дэн лично руководил работами. И хорошо, что жена не увидела его дальнейшего чудачества: четырехметровой бетонной набережной вдоль всего периметра острова. И трехэтажного дома с двухэтажным подвалом, похожего на замок, построенного буквально вокруг гейзера.

Но детям дом понравился, хотя большая часть многочисленных комнат осталась запертой. А так им жилось как никому: в школу ездить на быстроходном катере (зимой на легком вездеходе), купаться сколько влезет – и зимой, в гейзере, – учиться стрелять, плавать, возиться с собаками и лошадьми, утками и гусями, рыбачить, зимой бегать на лыжах, а на каникулы летать к маме на юг.

Все шло хорошо. Пока не пришла Большая Зима.

Утром в свой день рождения Нелли встала очень рано. Умывшись и сделав зарядку, она оделась и побежала наверх, в смотровую башенку – ей нравились утренние сумерки.

В башенке уже сидел отец. Закутавшись в свою любимую доху, он оглядывал окрестности в ночной бинокль.

– С добрым утром, папа.

– С добрым утром, дорогая именинница, – отец повернулся к ней, ухватил за уши шапки, притянул к себе и крепко поцеловал. – Поздравляю.

– Спасибо. Ну, и что нового в белом безмолвии?

– Не так уж оно безмолвно. Снова с севера пришли большие стада оленей, волки жиреют, лисам, рысям и куницам тоже перепадает, птицы летают... Меня больше волнует следующее лето – как природа приспособится. Боюсь, многие виды погибнут, им не хватит короткого лета для размножения.

– Пап, а... а наша планетарная ось когда-нибудь встанет на место?

– На прежнее место? Уже никогда. Вообще такие катаклизмы – огромная редкость.

– А что дядя Тедди говорит?

– Что ось стабилизировалась, насколько он может судить.

– А климат?

– И климат, соответственно. Теперь у нас на экваторе будет климат средних широт, а здесь – почти полярный. Нам еще повезло: зима хоть и длинная, но умеренная...

– Пап, смотри!

По льду в их сторону шел человек.

Это был крупный мужчина с большим рюкзаком за плечами. Он широко шагал, слегка проваливаясь в снег.

Два волка метнулись за ним из-за деревьев. Человек обернулся. Волки бросились. Человек сделал несколько резких движений. Волки остались лежать на снегу.

Человек снова повернулся в их сторону. В руке у него был здоровенный окровавленный тесак. Он нагнулся, вытер тесак о снег и пошел вперед с тесаком в руках.

Было тихо. Было по-зимнему очень тихо. И человек шел тихо, даже снег не скрипел. И уже вблизи от острова из-под набережной бесшумно рванулись еще три волка.

Один остался лежать на снегу, два других ретировались. Человек опять вытер тесак, огляделся и убрал тесак в ножны. Затем внимательно посмотрел на остров.

Он простоял так несколько минут, словно делал рекогносцировку. Потом снял рюкзак, положил его на снег, открыл боковые клапана, достал нейлоновый трос с «кошкой», свернул для броска, второй конец привязал к рюкзаку. Достал кусачки, пристегнул к поясу. Вынул из кобуры пистолет, проверил магазин, плавно, без лязга дослал патрон, затем начал навинчивать глушитель...

Выстрел оглушил Нелли. Человек рухнул на лед. Волки бросились к нему.

– Не смотри, дочка.

Она уткнулась в доху. И вдруг тишину прорезал детский плач, потом короткий визг.

Она вывернулась из-под отцовской руки, бросилась к окну. Внизу волки рвали что-то в рюкзаке.

– Папа!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

– Папа!

Отец повернул к ней каменное лицо:

– У меня не было выбора.

Огромные глаза Нелли были полны ужаса.

– У меня не было выбора, дочь. Ты... ты просто не знаешь, что делается. Выпей воды.

Она оттолкнула его руку, сама налила себе воды, выпила, расплескав полстакана, налила еще.

– Я даже не знаю, как это началось. Помню, мама как раз была беременна Окком, к нам зашел Тедди сам не свой. Вот тогда-то я впервые и услышал о предстоящем повороте оси. Тедди, при всей его безалаберности, прекрасный ученый. Он может часами фантазировать на научные темы, но с конкретными формулами и числами работает очень четко.

Так вот, мама налила чай и оставила нас одних, полагая, что Тедди опять начнет разглаговльствовать. К тому же, выборы были на носу, а Тедди и политика... Но Тедди начал с того, что в их обсерватории всех планетологов вдруг взяли в какой-то сверхсекретный проект. Всех, кроме него. Он, конечно, обиделся, пошел к директору – директор только развел руками, произнося слово «контрразведка». Вот Тедди и спросил меня, не знаю ли я кого-нибудь, кто мог бы помочь.

Я его успокоил. Почему его не взяли – ясно: такому трепачу только секреты доверять. Но нюх меня не подвел – что может быть секретного в планетологии? Я и спросил Тедди, а чем они занимались в последнее время. Тут Тедди и выдал про поворот оси. Я ему – стопку бумаги и карандаш. Он исписал десять страниц и вывел убийственный результат: изменение наклона на двадцать один градус за какие-то четыре месяца. И срок назначил: через неполные восемь лет.

Хоть я и знал, что на Теддины расчеты можно положиться как на присягу командос, но тут уж я сам полез в справочники и потрянул стариной в математике. Все сходилось. Это можно было предсказать и пятьдесят, и сто лет тому назад – просто никто не удосужился сделать эти выкладки.

Тедди думал, что их взяли в проект по остановке поворота. Он даже прикинул необходимое усилие и спросил меня, реально ли это. Я перевел килоньютоны в килотонны и получил общепланетную радиоактивную пустыню.

Тут Тедди ляпнул про возможные изменения климата. Я опять кинулся к справочникам. Получилось, что и мы, и большинство развитых стран окажемся практически в полярном климате, что снег будет выпадать даже у экватора и так далее.

Потом Тедди вспомнил, что они уже послали меморандум министру, где изложили возможные последствия. Ну, результат – все засекретили.

Тогда я позвал маму, рассказал ей и спросил о возможной реакции *homo politicus* на такую информацию. Она заявила, что нормальный политик этому просто не поверит – как и она не поверила – и решит, что его разводят на очередное увеличение бюджета. «И вообще, – продолжила мама, – выборы на носу, и это для политика важнее всего.»

Видимо, она была права. А засекретил их какой-нибудь ретивый помощник министра – так, на всякий случай. А контрразведка отсеяла Тедди как ненадежного – на наше счастье.

Тут мне и пришло в голову проэкстраполировать события. Получилось, что если срочно не начать принимать меры, готовить инфраструктуру, делать запасы, то все может кончиться очень плохо. Я попросил маму представить возможные модели социального поведения в неподготовленной стране. Она, посмеиваясь, предложила несколько вариантов. Но во всех – полный развал государства и общества. «К счастью, – усмехнулась она, – есть полным-полно странных изданий, которые постоянно печатают подобные страшилки, а планета все-таки вертится.»

Мы с Тедди крепко выпили, потом Тедди ушел. Скоро родился Окк, и, принимая поздравления, меня точила мысль: что будет?

Я снова все перепроверил. И сделал простой ход: написал научно-популярную статью и послал ее – анонимно – в разные места. У нас и за границей. Никто не напечатал. Тогда я послал в те издания, которые мама назвала странными. Три из них напечатали. У одного тут же была отобрана лицензия за всевозможные нарушения, – которых и раньше было навалом, – другое вдруг обанкротилось, а третье просто исчезло. Вместе с офисом редакции – я специально ходил смотреть.

Понимаешь, они печатали любой бред. Те, что исчезли, регулярно публиковали протоколы заседаний Мудрецов Большой Зги из третьей параллельной вселенной. А как напечатали про ось...

Короче, мне все стало ясно. Политики и бюрократы будут молчать, пока планета не затрещит – потому что им нечего предложить. И всем, кому надо, рот заткнут, контрразведка у нас хорошая. А о самих себе они не беспокоятся – к их услугам общенациональные ресурсы. А народ... А что народ? Без вождя народ – толпа. А я не вождь.

И за границей было то же самое.

Вот и оставалось думать только о себе и о своих близких. И тут мы с Тедди наткнулись на этот остров. И сразу поняли: то, что надо. Сама посудите: довольно большой сам по себе, посередине огромной, но малосудоходной, реки, вокруг дикий лес – до ближайшего жилья пятьдесят километров, – в лесу полно зверей, в реке полно рыбы. И горячий гейзер! Единственная проблема – заповедник. Национальное достояние, приватизации не подлежит.

Я думал – не страшно, подмажем кого надо. Но оказалось, что люди из Общества охраны природы – честные идеалисты. Лесники здесь были – сама помнишь, золотые люди. Так что пришлось провести многоходовую комбинацию. В конце концов, прежний председатель неожиданно стал деканом своего факультета и оставил пост из-за огромной занятости. Новым стал министерский выдвиженец, с ним мыладили. На все это ушли годы.

А дальше – дело ума, денег и техники. Высокая отвесная набережная – залезет только альпинист, да по верху – три ряда спиралей колючей проволоки, снизу их не видно, а сейчас и снегом припорошены. Собаки патрулируют весь остров по участкам, обучены. Энергии

от гейзера хватает с избытком. Утепленный пруд для гусей и уток. Парники с картофелем, с луком, с чесноком, с другими овощами, с бобовыми. Специально с севера привез и посадил карликовые полярные яблони, целый сад. Да и запасы огромные. Хлеб, правда, расти не будет.

Если бы я сказал маме, зачем я это делаю – не миновать мне смиренной рубашки. В итоге она уехала, а мы с тобой и твоими братиками прожили здесь два веселых года. И началось!

Собственно, от нашей страны осталась только одна небольшая долина – Теплый Край. И хотя на прочей территории сохранились армейские базы со стратегическими запасами и – пока что – дисциплинированными солдатами, государства больше нет. Сбылись худшие прогнозы. Но даже в самых страшных снах я не мог себе представить... не мог себе представить... каннибализм.

Помнишь, в августе, когда пошел снег, я вдруг перестал ездить по округе? Просто... я увидел, как на рынке торгуют оружием и... мясом. Очень дешевым мясом домашнего копчения.

С севера валили беженцы, далеко не мирные. Фермеры с оружием в руках защищали свои владения, горожане защищали свои запасы. Все были озлоблены на правительство, и поделом. Местные власти тоже бежали. И все знали, что зима предстоит длинная, а урожай погибает, и нужно запастись продовольствием.

Помнишь, в начале сентября к нам прилетел вертолет? Это были мои друзья: полковник Гец, подполковник Робс и полковник Плауб. Гец и Робс были у меня во взводе сержантами, а Плауб вместе с ними влип в историю. Опустим детали, но от трибунала отмазал их я. А такое в морской пехоте не забывают.

Так вот, они предложили мне всех нас увезти с собой на одну из их баз. Там все было в порядке, и их семьи тоже были там. Но я не согласился. Мало ли, и в армии может начаться разложение, бунты... Худшее, что может быть – взбунтовавшаяся армия. А здесь мы – как робинзоны, да еще под защитой волков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.